

ТРАЕКТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

УДК 811.161.1-43(470.5)
ББК Ш33(235.55)64-446

ГСНТИ 17.07.41

Код ВАК 10.01.01

Л. А. Коваленко
Екатеринбург, Россия

ОБРАЗ СВЕРДЛОВСКА-ЕКАТЕРИНБУРГА В СОВРЕМЕННОЙ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЕ УРАЛА

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению образа Свердловска-Екатеринбурга в современной документальной прозе Урала. На материале сборников очерков «Ёбург» Алексея Иванова и «Горожане» Анны Матвеевой рассматриваются две авторские концепции представления образа города. В качестве ключевых наблюдений исследования можно отметить следующие: 1) в сборнике «Ёбург» конструируется динамичный и противоречивый образ Свердловска-Екатеринбурга, история которого — это набор сменяющих друг друга концептов, топография — отражение распределения местной власти, население — социально размеченная структура; 2) в «Горожанах» предлагается образ города, не привязанный к конкретному историческому периоду, но связывающий воедино разнесенные временем имена и сюжеты; история, прошедшая сквозь фильтр городской повседневности, предстает как цельность, топография — как карта переживаний, горожане — как постоянные участники диалога с городом; 3) общим свойством образа Свердловска-Екатеринбурга в современной документальной литературе оказывается его многослойность, предопределенная повествовательной структурой текстов; 4) образ Свердловска-Екатеринбурга базируется, с одной стороны, на стереотипных представлениях о городе («город-завод», «промышленный гигант», «музей конструктивизма» и т. д.), с другой — освобождается от шаблонности, благодаря особенностям авторских концепций; 5) авторами-документалистами используются такие художественные приемы конструирования образа города, как очерчивание пространственно-временных координат, топографии, включение архитектурных заметок и деталей из городской повседневности, введение образов местных жителей

Ключевые слова: образ города; уральская литература; уральские писатели; литературные образы.

L. A. Kovalenko
Ekaterinburg, Russia

THE IMAGE OF SVERDLOVSK-EKATERINBURG IN THE URALS' CONTEMPORARY DOCUMENTARY PROSE

Abstract. This article is devoted to the study of the image of the city of Sverdlovsk-Ekaterinburg in the contemporary documentary prose of the Urals. It uses the material of Aleksey Ivanov's "Yoburg" and Anna Matveeva's "Townpeople" short story collections to review two different concepts representing the city's image. The following observations of the study can be highlighted as the key ones:

1) the "Yoburg" collection constructs a dynamic and contradictory image of Sverdlovsk-Ekaterinburg, whose history is a set of concepts that sequentially replace one another, whose topography is a reflection of the way the local authorities are distributed; and whose population is a socially mapped out structure;

2) the "Townpeople" offers a city image that is not tied to a specific historical period, but interconnects the names and plots that are separated by time; the city's history, having passed through a filter of everyday urban life, appears whole and complete, its topography appears as a map of experiences, its townspeople — permanent participants in the dialogue with the city;

3) the image of Sverdlovsk-Ekaterinburg in contemporary documentary literature shares the common trait of being multilayered, which is predetermined by the narrative structure of the texts;

4) the image of Sverdlovsk-Ekaterinburg's is based, on the one hand, on stereotypical ideas about this city ("a factory city", "an industrial giant", "a constructivism museum", etc.), while on the other one it gets freed from the adherence to stereotypes thanks to the special features of authors' concepts;

5) documentary writers elaborate the city's image using such artistic methods as outlining the space-time coordinates and topography, including in the text notes on architecture and details of the city's everyday life, introducing images of local residents.

Keywords: city image; Urals literature; Urals writers; literature images.

В современной гуманитаристике (филологии, социологии, политологии, философии) тема образа/имиджа/бренда города оказывается крайне востребованной¹. При этом образ города трактуется по-разному: как «составная часть долгосрочной социально-экономической стратегии» [Щербинин, Щербинина 2012: 54]; как отражение «городского пространства в сознании человека» [Давыдкина 2012]; как «сложный синтез прямых впечатлений» [Алексеева 2010: 174]; как «многосоставная структура пред-

метных и духовных координат», «комплекс этико-социальных и биологических связей, образующих некое метафизическое поле притяжения» [Немчинов 1995: 237]; «результат рефлексии личностей и сообществ, населяющих данное пространство», который задается «совокупностью образов-символов, идеалов и мифов» [Горелова 2009: 353] и т. д.

Рассматривать образ Екатеринбургa в современной документальной прозе Урала мы будем, понимая образ города как авторское оригинальное видение, воплощенное в конкретном наборе художественных средств и предопределенное накопленным представлением о городе.

¹ Среди современных работ о Санкт-Петербурге можно отметить исследования С. Бойм, А. Ваксера, С. Волкова, И. Освальда, В. Воронкова, Г. Каганова, М. Кагана; об Иркутске — В. Дятлова, С. Медведева; об Омске — А. В. Ремизова, А. П. Толочко; о Москве — Г. Ревзина, О. Трущенко, А. Митрофанова, Н. Молевой и т. д.

Основа анализа — принципы работы с образом города, выработанные структурно-семиотическим², проблемно-тематическим³ и синтетическим подходами (совмещающими литературоведческие и культурологические принципы анализа)⁴.

Как нам кажется, Екатеринбург можно назвать городом ресурсным: он неоднократно становился предметом описания в местной прозе — начиная с творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. П. Бажова, Н. Никонова, Б. Рябикина и заканчивая современными текстами Н. Смирновой, О. Славниковой, И. Сахновского, А. Ильенкова.

Привлекают современные произведения документальной природы: «установка на документальность, свободная композиция, сочетание беллетристичности и аналитичности, авторская доминанта, использование большого количества фактического материала» [Миронова 2012: 5] — те структурные особенности литературы nonfiction, которые делают ее интересной для современной аудитории, а образ места — узнаваемым, емким.

Объектами нашего небольшого исследования стали «Ёбург» Алексея Иванова и «Горожане» Анны Матвеевой — «сборники очерков со сквозными сюжетами» [Подлубнова 2014: 215]. Написанные примерно в одно время (2014 и 2017, соответственно) «почти ровесниками», для которых 1990-е оказались временем «юности, молодости», «самым ярким временем», «годами расцвета» [Матвеева 2015: 15], тексты, тем не менее, отражают разные модели взаимоотношений автора и города.

Для пермяка Алексея Иванова⁵, чья жизнь была непосредственно связанной со Свердловском-Екатеринбургом (в 1987–1988 гг. учился в УрГУ на факультете журналистики, в 1990–1996 гг. — на факультете искусствознания и культурологии), а творчество «фундировано целостным геопоэтическим образом Урала» [Подлесных 2008], образ Екатеринбурга оказался удачно выбранным материалом, из которого выстроилась убедительная художественная модель. И жанр «краткого, оперативного

художественно-публицистического очерка» [Алексеев 1973: 7] стал удобной формой для остросюжетного повествования о «людях и событиях в Свердловске-Екатеринбурге 1980–2000-х» [Екатеринбург литературный 2017: 135].

Коренная жительница Свердловска-Екатеринбурга Анна Матвеева⁶, занимающая по отношению к городу позицию неизменной участницы повседневной жизни, всякий раз передающей в своих текстах «опыт жизни здесь» [Эртнер 2009: 111], также выбирает очерковый жанр. Но биографические очерки Матвеевой, так называемые рассказы о «плодах, с биографией» [Лотман 1986: 106], конструируют городскую реальность другого типа — постоянно становящуюся, непрерывную, вырастающую из фрагментарной будничности, но связывающую времена.

Наша задача — определить, каким образом город входит в тексты документального плана и какие смыслы собой аккумулирует. Рассматривать образ Свердловска-Екатеринбурга будем, «снимая слой за слоем» [Микроурбанизм 2014: 14] структурные особенности текстов и выделяя художественные приемы, работающие на образ города.

1 слой: прочтение истории города

Повествование Алексея Иванова сфокусировано на описании города 1990-х гг., но, в действительности, оно затрагивает и другие периоды городской истории, каждый из которых в концепции автора идентифицируется с определенными екатеринбургскими брендами или символами:

– стадия «*дореволюционного Екатеринбурга*» — «былого, славного», «старого» города, образ которого будет скреплен с «бревенчатыми теремками ропетовского стиля», «старинными краснокирпичными особняками» и домом инженера Ипатьева (через растиражированный образ последнего уже другой, современный, Екатеринбург начнет «возвращение себе своей родовой сути» и «обретение себя»);

– первая стадия «*советского Свердловска*» (времен «плотного, добротного и деятельного благополучия» конца 1970-х и начала 1980-х годов). «Промышленный», «заводской», «трудовой», «оборонный», «столичный», «индустриальный» — такими дефинициями наделяется «город-ярлык», словно собранный из гетеростереотипов «завод заводов» Уралмаш, сказы Бажова, Свердловская киностудия, завод «Уральские самоцветы», команда «Уралочка», трамплины на Уктусских горах. В архитектурном отношении этот город с понятной программой-судьбой представляет собой массив «промзон, чудовищных по масштабу», «индустриальных комплексов», «панельных заборов спальных кварталов», которые разбавляли динамичный и энергичный «конструктивизм», «неоклассика» и витиеватый «модерн»;

² Исследования Ю. Лотмана («Символика Петербурга и проблемы семиотики города»), В. Топорова («Петербургский текст русской литературы», «Петербургские тексты и Петербургские мифы»); Б. Успенского («Отзвуки концепции «Москва Третий Рим» в идеологии Петра Первого»), Т. Цивьян («Семиотические путешествия») и др.

³ Работы Н. Анциферова («Быль и миф Петербурга», «Непостижимый город»), М. Строганова («Две заметки о локальных текстах») и др.

⁴ Труды В. Абашева («Пермь как текст. Пермь в русской культуре XX века»), Л. Зайонц («Русский провинциальный «миф» (к проблеме культурной типологии))), Е. Милюковой («Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы»); Е. Эртнер («Феноменология провинции в русской прозе конца XIX — начала XX века») и др.

⁵ Родился 23.11.1969 в Горьком. Живет в Перми, приезжает в Екатеринбург. Лауреат премий им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2003), им. П. П. Бажова (2004) и др. Автор романов «Сердце Пармы» (2003), «Вниз по реке теснин» (2004), «Географ глобус пропил» (2005), «Общая кровь» (2006), «Message: Чусовая» (2007), «Хребет России» (2010), «Увидеть русский бунт» (2012), «Горнозаводская цивилизация» (2013).

⁶ Родилась 19.01.1972 в Свердловске. Живет в Екатеринбурге. Лауреат премий ж. «Урал», «Большая книга», финалист пр. Белкина, им. Ю. Казакова, Национальный бестселлер, пр. им. Бунина. Автор сборников «Заблудившийся жокей» (1999), «Па де трау» (2001), «Найти Татьяну» (2007), романов «Небеса» (2004), «Перевал Дятлова, или Тайна десяти» (2013), «Завидное чувство Веры Степиной» (2015).

– вторая стадия «советского Свердловска» периода «страстной, тотально-митинговой и романтически-наивной» «екастройки». Это время, когда «далекий» Свердловск конца 1980-х годов существовал в «военном», «оборонном» режиме: местные жители «митинговали, бастовали и что-то там требовали»; общественно-политические группировки собирались и «рассеивались бесследно»; журнал «Урал» публиковал «экономическую публицистику» и «жесткие тексты о правде жизни»; «памятник Свердлову регулярно мазали красной краской» [Иванов 2014: 94] и т. д.

К 1990-м годам, по версии Иванова, советский образ сам себя изживает: когда-то обладавший «чертами столичности» Свердловск превращается в «партийно-казенный», «советский», «типовой» локус, сам топоним которого вызывал «психологический дискомфорт» и «уже мало кому нравился» [там же: 136]. Именно поэтому стадия «переименования» трактуется автором не просто как официальный жест, но как кардинальное переформатирование судьбы города, сопровождаемое «удивительными событиями, грандиозными переменами, жуткими откровениями эпохи». При этом топоним «Екатеринбург» расценивается местными жителями как слишком «дисциплинированный» и громоздкий, а «энергичный», «краткий», «вызывающий», «наглый» «Ёбург», напротив, приживается;

– стадия «лихого и безбашенного, стихийно-мощного», «склонного к резким поворотам и крутым решениям» «Ёбурга». С одной стороны, это время организованной преступности, «гангстерских войн»; «черных хвостов очередей» в магазинах; бизнеса, требовавшего площадок под бутики, рестораны и офисы; финансовых пирамид, черного пиара, «уличного беспредела», расцвета тележурналистики. Визуально это город «скромный», «низкий», «неяркий», «пустоватый», с «жигулями», «москвичами», «волгами» и первыми иномарками на дорогах, с телефонными будками, «обшарпанным конструктивизмом»; «символом новых и причудливых времен — китайским китчем ресторана «Пекин»» [там же: 82]. С другой стороны, 1990-е годы — это время «мощнейшего созидательного начала», когда благодаря «титанам», «лидерам огромного масштаба» «яростный, безбашенный и дикошарый» Ёбург постепенно превращался в «респектабельный и социализированный Екатеринбург» [Иванов 2013: 21];

– стадия «возвращенного Екатеринбург» — успешного, «богатого и престижного» мегаполиса эпохи «глобализма и хайтека».

Анна Матвеева прописывает историю Свердловска-Екатеринбурга не столь публицистично и структурировано. «Ниточки тянутся из прошлого в будущее» и вновь «возвращаются странными путями» — так, «переплетаясь в самых неожиданных местах» [Матвеева 2017: 228], временные потоки в «Горожанах» воспроизводят «саму логику жизни» [там же: 17].

При этом многочисленные приметы времени, которые сопровождают личные истории, также могут быть собраны в картинку-описание города в разные временные промежутки:

– дореволюционный «град святой Екатерины» — идеальное место для «деловых людей» со всеми «благоприятствующими условиями»; город с «роскошными особняками» и «нарядными домами» типа «Американской гостиницы», «совсем еще молодого театра» Оперы и балета в «белом, со взбитыми сливками, здании-торте», «ладного» особняка Ипатьева в самом центре города;

– смутный, заряженный «подозрениями, намеками, слухами», «испугом» [там же: 130] город 1917 года со «спешно сколоченным высоким забором» вокруг внезапно ставшего «уродливым» дома Ипатьева;

– военный «бело-серый, графичный» Свердловск с «черными тарелками», поющими «на разные голоса», с «голодными обмороками, ссорами в трамваях из-за пустяков», с эвакуированными, которых вселяли в квартиры «по уплотнению». Это тыловой город с таинственной миссией хранить «самое ценное — машиностроительные заводы, картины из Эрмитажа, диктора Левитана, прославленных теноров, баритонов, сопрано и контральто» [там же: 17];

– Свердловск 1960-х — во-первых, «крупный промышленный» гигант с «широкими улицами, многоэтажными домами, памятниками, руками указывающими путь к коммунизму» [там же: 146]. Во-вторых, город с «чистым и светлым обликом», где был романтичный Сад Вайнера с танцплощадкой, где дружно работали заводы, окруженные «людским потоком», где было что-то правильное и воодушевляющее. В-третьих, «серый и мрачный» «город на реке Исети», который «не мог похвастаться впечатляющим архитектурным обликом»: «двухэтажные купеческие особнячки, построенные немецкими военнопленными дома, торопливо возведенные хрущевки» соседствовали со «сталинским ампиром фрагментами и тем самым, неоцененным пока еще конструктивизмом» [там же: 127];

– город конца 1970-х годов — «закрытый город-побратим Пльзень», куда «зарубежные специалисты» приезжали «не в самых впечатляющих количествах»: «В основном то были чехи да монголы... По городу бегали симпатичные красно-желтые трамвайчики чешского производства, пионеры из Клуба интернациональной дружбы принимали в гостях пльзеньских рабочих... Монгольские студенты получали высшее образование в Уральском государственном университете» [там же: 136];

– город 1990-х годов, которые «ввалились» и «тяжело дышали», а город заполнялся «вагончиками с видеосалонами», магазинами, «предприятиями» и новоиспеченными бизнесменами;

– «повзрослевший», «заматеревший, сытый город» нулевых, в котором «царил строительный разгул», а «новые здания, блескучие небоскребы, вырастали за спиной у трогательных двухэтажных особнячков» [там же: 187]. Конструктивистские объекты в новом столетии переходят в разряд «легендарных» построек, охраняемых памятников культуры, хрущевки превращаются в «старые бараки», около которых «не разрешают гулять» детям; символами Екатеринбург оказываются торговые центры и банки, «угрожающе сопящие» и «готовящиеся дать пинка» старому городу.

При этом расстановка «исторических меток» является, скорее, фоновой компонентой повествования Анны Матвеевой. Ее герои — это создатели и творцы, лишь косвенно привязанные к конкретным временным точкам. Для них в тексте разворачивается дополнительная реальность — отстраненная от исторических событий и повседневности сфера культуры и искусства, таланта и свободы. В этой схеме художественного двоемирия «порталами», «выходами в другой мир» [там же: 335], где можно «скрываться» от будничной свердловской реальности, оказываются:

– *театры, творческие мастерские* (Театр оперы и балета — волшебное место с «ослепительными костюмами, блистательными голосами»; квартира Клера — «ни дать ни взять музей»; «избушка Коляды», в которую заходишь и будто «попадаешь к кому-то в гости»; «знаменитый на весь Свердловск подвал на Толмачева», рок-клуб, постояив на ступенях которого «можно увидеть вживую тех, кто пугает ее соседей в неуточный час» и т. д.);

– *местные произведения искусства* (этюды Воловича со «слегка расфокусированным, искаженным» старым городом; скульптура с «прочной памятью» Неизвестного; сказы Павла Петровича Бажова; песни Владимира Шахрина, «тщательно собираемая, лелеемая, ненаглядная» коллекция Евгения Ройзмана и т. д.);

– *парковые зоны* (сквер у Пассажа, где когда-то «играл скрипач», «звучали гитара и бубен, визжала губная гармошка» и «продавали картины»; парк имени Павлика Морозова, где устраивал «распевки» маленький Витя Волович; Уктус и Шарташ, где гулял с мамой Саша Матвеев, Сад Вайнера с танцплощадкой и т. д.).

Таким образом, Алексей Иванов прочерчивает историческую линию, концептуализируя ее — опираясь на узнаваемые символы, феномены, передающие, главным образом, «индустриальные смыслы», вплетенные в ткань города [Иванов 2014: 4]. Анна Матвеева выстраивает историю города, пропуская ее через фильтр свердловско-екатеринбургской повседневности и расширяя дополнительным художественным измерением.

2 слой: введение городской топографии

С топографической точки зрения, город Алексея Иванова оказался социально «размеченным» пространством, на котором четко выделяются элитарная зона (кварталы в районе Октябрьской площади, дома на 8 Марта); *криминогенная зона* («непобедимый», «жесткий» Уралмаш, Вторчермет, вокзалы, цыганские поселки, «укрепрайоны» «афганцев» — места обитания «маргиналов», «люмпен-пролетариев», «уголовников»); *политическая зона* (здание мэрии, Белый дом как территория локализации статусных персон — «могучих и противоречивых», «претенциозных», «бесстрашных» политиков). Выделяется «*культурное пространство*», «*оазис нормального мира*», «*места относительной свободы*»: Литературный квартал, старые дома, достопримечательности, «Музыкальные товары» на Луначарского, рок-клуб на Володарского, «пятак» напротив горкома, Дом культуры на Сурикова — места для «робких экскурсантов», «уральских писа-

телей», «литературных тетушек», «юных художников», местных музыкантов и др.

Кроме того, на карте города оказались выделены такие «обязательные для усвоения» культурные точки, как *недостроенная телебашня* («легендарная руина», «мистический столп», «чудовище», «гитан из прошлого», объект, который был задуман и построен еще в Свердловске, а «заморожен» и наделен «инферральными чертами» в Ёбурге); *Плотинка* (декорация важных городских событий, культурно значимый локус, объединяющий горожан из разных социальных страт; городской символ, действительность которого закреплена исторически и постоянно поддерживается удачным топографическим расположением); *усадьба Харитоновых-Расторгуевых* («знаменитый исторический ансамбль Екатеринбург», «усадьба золотопромышленников» с проявленной мифологией).

Для Анны Матвеевой, предлагающей разметку города вне социальной стратификации, оказалась важнее степень «освоенности», «обжитости» города героями. Поэтому на карте «Горожан» отмечаются *домашние адреса* («любимые», «светлые», «теплые» места, где «на подоконниках цветы», «повсюду книги», «на стене висит гитара» [Матвеева 2017: 64]; где «неспешное чтение в кабинете, обеды за большим столом» [там же: 133]; где «устраивают быт»; «убаюкивают малыша» и «целуют на ночь»); *любимые маршруты* («бегом через площадь 1905 года... в букинистический магазин на Вайнера», «уехать к площади 1905 года», чтобы «потоптать на ступеньках рок-клуба» [там же: 153], «пойти вверх по проспекту», «пересечь улицу 8 Марта», «покурить на Плотинке» [там же: 165] и т. д.); *особые места* — «порталы» в мир культуры и искусства (театры, творческие мастерские, парки).

На карту «Горожан» также попали и городские достопримечательности. Но выбранная Матвеевой «оптика деталей», погружающая в городскую повседневность, расширяет ассоциативное поле даже застывших образов, позволяет снять шаблонность. Так, например, образ дома Ипатьева за счет бытовых мелочей словно постепенно «обрастает» значениями, проходя путь от «добротной», «ладной», «нарядной» постройки конца 18 века, «аккуратнейшим образом вписанной в ландшафт», к «оскверненному», «инферральному», «темному», «проклятому» локусу, окруженному «слухами» и «толками».

Итак, с топографической точки зрения Ёбург Иванова — это упорядоченная структура с распределенной среди горожан властью; город Анны Матвеевой — пространство, картографированное субъективно, хранящее эмоциональную, личную память.

3 слой: образ местных жителей.

В четко прописанной социальной структуре «Ёбурга» каждому участнику заданы характерологические признаки и функции:

– журналисты и репортеры, которых в городе «знают все», формируют информационное пространство города, заполняя его разного рода историями, мнениями, слухами, и, в конечном счете, распространяют стереотипные представления о Екатеринбурге («место памяти о гибели Романовых», «типичный провинциальный город», «закрытый

индустриальный мегаполис в глубине страны и континента» и т. д.);

– обычные жители «ходят на митинги», «учатся защищать свои права», «раздражаются от деятельности бизнесменов», активно участвуют в создании городской мифологии, увлекаются коллективным языктворчеством, «ехидно переименовывая» Академический в «Вексельбург», «Уралмаш и Эльмаш» — в «хабаровский край», ресторан «Большой Урал» — в «Буш», «ресторан «Серебряное копытце» — в «Копыто» и т. д.;

– политики («одержимые депутаты», «громовержцы из администрации») участвуют в «бесконечных и почти безумных» выборах, напоминающих безымянный полилог из лозунгов-обращений «Позаботимся о тех, кто рядом!», «Защитим тишину!», «Надо работать!», «Время думать о людях», «Силина, будет всё по силе нам!» и т. д.;

– криминальные авторитеты, преступные группировки — «пацаны Ёбурга», формой рассказа о которых становятся газетные сводки и многочисленные легенды об «огромном фонде группировок», равном «бюджету области»; о сотрудничестве властей с преступниками и о страшных методах работы местных бандитов. Голоса криминальных авторитетов звучат редко и представляют собой блатные клише с коннотативными установками «устрашение, запугивание и диктат»: «Ограбим всех!», «Ограбим чужих!», «Перекошим плохих ребят!» и т. д.;

– представители творческой интеллигенции, объединенные стремлением выстроить и поддержать диалог с городом: участники свердловского рок-движения находят общий язык и с городской средой, и с местными жителями; представители школы уральской драматургии прорабатывают корпус «ёбургских» текстов, в декорации бытийные установки, в сам язык которых включено «измерение города»; талант художников «скрепляет жизнь города живой преемственностью».

Независимо от социальной «привязки» Ивановым выделяются «уральские лидеры», «пассионарии», яркие местные жители, в «поступках которых говорит история» [Иванов 2014: 4]: это и «принимаящий решения» Россель, и «изумляющий» «хранитель города» Букашкин, и «высчитавшая экспоненту лидерства» Славникова, и «созидающие и созерцающие» «тетушки» из Литературного квартала и др. Сюжеты одних лидеров начались еще в «трудовом» Свердловске, других — в «безбашенном, стихийно-мощном» Ёбурге, к третьим успех пришел уже в «управляемом, респектабельном» Екатеринбурге. Но все «уральские пассионарии» прошли сквозь «водороты» Ёбурга и прониклись «местным ощущением реальности».

На подобной «технологии» объяснения происходящего [там же: 275] основано и городское повествование Анны Матвеевой. Судьбы героев, разделенных десятилетиями и веками, также оказываются «зарифмованы, сведены к одному знаменателю» [Матвеева 2017: 27] Свердловском-Екатеринбургом.

Так, новички в городе проходят путь а) *принятия*, как в случае «бывшего москвича» Константина Матвеева, который быстро освоился в городском пространстве и «пустил корни в уральской земле»;

как в истории Беллы Дижур, которая «работала, дружила, растила детей», писала стихи и просто «была счастлива, любима» именно в этом локусе; б) *«притирания»* (после побега из другого локуса, аккумуляровавшего негативный, драматичный жизненный опыт), как в судьбе Виталия Воловича, постоянно пытавшегося объяснить себе и окружающим, почему «выпал» именно этот город: «Почему мама выбрала из всех российских городов именно этот, суровый, заводской, графичный, мальчик не знает и не узнает. Возможно, потому что он был расположен очень далеко от Спасска-Дальнего, где жил мужчина, не желавший стать отцом, но ставший им?» [там же: 12]; г) *«отторжения»*, как в истории Николая Ипатьева, настойчиво ощущавшего чувство «ненужности» в городе.

Для коренных жителей город оказывается синонимом а) *взросления (город расширяет свои границы вместе с ростом персонажа)*: в раннем детстве видится «заколдованным чудищем», затем «состоит из школы, дома, маминого-папиного университета, музыкалки при Доме офицеров», позже, еще больше расширив границы, превращается в город юности и зрелости; б) *творческого становления / самоутверждения*: город сопровождает «монтажника Свердловского комбината» Владимира Шахрина на его пути по «сценарию американской мечты»; помогает Евгению Ройзману двигаться от «отрицательной отметки» к статусу «местно чтимого героя, уральского Бэтмена» [там же: 293]; д) *вызова*: город позиционируется как место, которое «преодолевал» Виктор Мулявин и т. д.

При этом без разграничения на «своих» и «чужих» город Матвеевой наделяется властью и силой:

– *выбирает лучших и канонизирует их* («превращает» Бажова в «бюст на фасаде библиотеки имени Белинского», Воловича — в памятник «недалеко от проспекта Ленина», Татищева — в «плоский бронзовый истукан»; Бахчиванджи — в название улицы, «обрастающее бытовые подробностями» и т. д.);

– *играет адресами, предлагая «одни и те же районы, улицы, дома»* (как в семейных историях Матвеевых, Беллы Дижур) или, напротив, *«строго следит за сроком соблюдения аренды»* и лишает на какое-то время театр Коляды крова; а художественную каморку Букашкина и вовсе погребает под зданием банка;

– *дистанцирует* (как Николая Ипатьева, «вынужденного переменить целую жизнь в двадцать четыре часа» [там же: 129] и покинуть город в «тяжкой славе без вины виноватого»; как Владимира Мулявина, для которого только Минск стал тем, чем «никогда бы не смог стать Свердловск» и т. д.)

Таким образом, если город Иванова — это социально маркированная структура, то Свердловск-Екатеринбург Матвеевой — система взаимоотношений. Но и в первой, и во второй авторской стратегиях главные герои думают о городе, высказываются в его адрес, вступают в диалог, из чего постепенно вырастает органичное городское многоголосие — «сложное согласование голосов разных персонажей» [Фомичева 2003: 37], повествователя и самого города.

Итак, Алексей Иванов и Анна Матвеева, выбравшие для рассказа о Свердловске-Екатеринбурге схожие

повествовательные жанры, создают многослойный образ города. Плотный окруженный и в «Ебурге», и в «Горожане» авто- и гетеростереотипами («промышленный гигант», «город-завод», «место убийства царской семьи», «индустриальный мегаполис» и т. д.) образ Свердловска-Екатеринбурга все-таки освобождается от шаблонности и оказывается феноменом эпохи, и идеальным городом юности, и существующим вне времени городом культуры и искусства.

Оперируя схожими художественными приемами (рассказ о реальных городских событиях, очерчивание пространственно-временных координат, проговаривание топографии, включение архитектурных заметок и деталей из городской повседневности, представление образов горожан), современные авторы-прозаики по-разному подходят к образу Свердловска-Екатеринбурга. Алексей Иванов создает остросоциальный, продвигаемый и узнаваемый образ-феномен, главным образом, динамичного и противоречивого города 1990-х годов. Анна Матвеева, погружающая в камерные городские истории, создает персонифицированный образ города, не привязанный к конкретному историческому периоду, но связывающий воедино расставленные временем имена и сюжеты.

Как нам кажется, жанр «интересного рассказа о местных персонажах и событиях» способен сократить дистанцию между городом и часто не замечающими его жителями. «Индивидуальность города, его лицо проявляется в обрисовке быта, повседневности» [Клочкова 2007: 84], а удачно выбранная автором стратегия эту индивидуальность подчеркивает. Авторам-документалистам удается так подать городской материал, что (судя по читательским откликам) образ Свердловска-Екатеринбурга приятно не соответствует многим ожиданиям.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева В. Л.* Образ города в культурном сознании // Университетская площадь: альманах. — 2010. — № 3. — С. 174–176.
- Горелова Ю. Р.* Образ города: диалектическое единство реального и идеального // Личность. Культура. Общество. — 2009. — Т. 11. — Вып. 4. (51–52). — С. 353–354.
- Давыдкина Л. В.* Исследование образа города Самары студентов разных профессиональных групп // Современные исследования социальных проблем. — 2012. — № 1 (09).
- Евлямпиев И. И.* На грани вечности. Метафизические основания культуры и ее судьба // Метафизика Петербурга. — СПб., 1993.
- Екатеринбург литературный.* Энциклопедический словарь. — Екатеринбург, 2016.
- Иванов А. В.* «Ебург». — М., 2014.
- Иванов А. В.* «От таких сюжетов голову сносит!» // Новая газета. — 2013. — № 141.
- Иванов А. В.* Екатеринбург — это супер // Уральский рабочий. — 2014. — № 92.
- Клочкова Ю. В.* Модель описания Екатеринбурга в первых текстах и путевых заметках (к проблеме становления городского мифа) // Миф и символ в прошлом и настоящем. 2007. — С. 82–95.
- Лотман Ю. М.* К типологическому соотношению текста и личности автора // Литература и публицистика: проблемы взаимодействия. Труды по русской и славянской филологии. Ученые записки Тартуского университета. Вып. 683. — Тарту, 1986.
- Матвеева А. А.* «Боюсь тех, кто не читает» // Аргументы и факты. — 2015. — № 4.
- Матвеева А. А.* Горожане. Удивительные истории людей из города Е. — М., 2017.
- Микроурбанизм: Город в деталях.* — М., 2014.
- Немчинов В. М.* Метафизика города // Город как социокультурное явление исторического процесса. — М. 1995.
- Подлесных А.* Геопоэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале: дис. ... канд. фил. наук. — Екатеринбург, 2008.
- Подлубнова Ю. С.* Город Иванов // Урал. — 2014. — № 8.
- Фомичева Е. Г.* Автор и герой в очерке: приемы портретизации: дис. ... канд. фил. наук. — СПб., 2003.
- Щербинин А. И., Щербинина Н. Г.* К постановке проблемы внешнего позиционирования университетского города // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 359. — С. 53–58.
- Эртнер Е. Н., Данилина Г. Н.* «Опыт земли»: конфликтность экологического сознания в литературе Тюменского края // Вестник Тюменского государственного университета. — 2009. — № 1.

REFERENCES

- Alekseeva V. L.* Obraz goroda v kul'turnom soznanii // Universitetskaya ploshchad': al'manakh. — 2010. — № 3. — S. 174–176.
- Gorelova Yu. R.* Obraz goroda: dialekticheskoe edinstvo real'nogo i ideal'nogo // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. — 2009. — T. 11. — Vyp. 4. (51–52). — S. 353–354.
- Davydkina L. V.* Issledovanie obraza goroda Samary studentov raznykh professional'nykh grupp // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem. — 2012. — № 1 (09).
- Evlampiev I. I.* Na grani vechnosti. Metafizicheskie osnovaniya kul'tury i ee sud'ba // Metafizika Peterburga. — SPb., 1993.
- Ekaterinburg literaturnyy.* Entsiklopedicheskiy slovar'. — Ekaterinburg, 2016.
- Ivanov A. V.* «Eburg». — M., 2014.
- Ivanov A. V.* «Ot takikh syuzhetov golovu snosit!» // Novaya gazeta. — 2013. — № 141.
- Ivanov A. V.* Ekaterinburg — eto super // Ural'skiy rabochiy. — 2014. — № 92.
- Klochkova Yu. V.* Model' opisaniya Ekaterinburga v pervykh tekstakh i putevykh zametkakh (k probleme stanovleniya gorodskogo mifa) // Mif i simvol v proshlom i nastoyashchem. 2007. — S. 82–95.
- Lotman Yu. M.* K tipologicheskomu sootnosheniyu teksta i lichnosti avtora // Literatura i publitsistika: problemy vzaimodeystviya. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Uchenye zapiski Tartusskogo universiteta. Vyp. 683. — Tartu, 1986.
- Matveeva A. A.* «Boyus' tekh, kto ne chitaet» // Argumenty i fakty. — 2015. — № 4.
- Matveeva A. A.* Gorozhane. Udivitel'nye istorii lyudey iz goroda E. — M., 2017.
- Mikrourbanizm: Gorod v detalyakh.* — M., 2014.
- Nemchinov V. M.* Metafizika goroda // Gorod kak sotsiokul'turnoe yavlenie istoricheskogo protsessa. — M. 1995.
- Podlesnykh A.* Geopoetika Alekseya Ivanova v kontekste prozy ob Urале: dis. ... kand. fil. nauk. — Ekaterinburg, 2008.
- Podlubnova Yu. S.* Gorod Ivanov // Ural. — 2014. — № 8.
- Fomicheva E. G.* Avtor i geroy v ocherke: priemy portretizatsii: dis. ... kand. fil. nauk. — SPb., 2003.
- Shcherbinin A. I., Shcherbinina N. G.* K postanovke problemy vneshnego pozitsionirovaniya universitetskogo goroda // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2012. — № 359. — S. 53–58.
- Ertner E. N., Danilina G. N.* «Opyt zemli»: konfliktnost' ekologicheskogo soznaniya v literature Tyumenskogo kraya // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2009. — № 1.

Данные об авторе

Лидия Анатольевна Коваленко — аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург).

Адрес: 620075, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

E-mail: Lidia_kovalenko@inbox.ru.

About the author

Lidiya Anatolievna Kovalenko — Post-Graduate Student, Department of the XX–XXI Centuries' Russian Literature, Institute of the Humanities and Arts, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Ekaterinburg).